

О ком плачет эхо

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДОКЛАДЕ ЭДРИАНА МАЙКЛА РОУДЗА «ЭХО, ЭХО, ЭХО...»

Васильева Елена Владимировна

- К.пс.н., клинический психолог, психоаналитически-ориентированный психолог.
- Член ЕАРПП (РО-Самара) и ЕСРР (Vienna, Austria).
- Специалист Центра Современного Психоанализа (г.Самара)
Действительный член некоммерческого партнерства «Палата судебных экспертов»

Реплика Эдриана Роудза в начале выступления: «Хотел бы быть вместе с вами, но ситуация такова, что это невозможно...» неожиданно явилась ёмким эпиграфом к докладу.

Роудз выступал на фоне изображения статуи Нарцисса, которая из всего многообразия обликов этого персонажа была, на мой взгляд, самой безжизненной. Эта скульптура передавала прекрасную мёртвость восхитительно красивого тела без признаков пола как такового. На фоне черно-белой холодности и печали докладчик казался антагонистично активным, эмоциональным и живым. Как музыка, сопровождающая театрализованное действие, создает фон настроения, так и черно-белый фон с изображением Нарцисса настраивал на дихотомическое мышление, в котором нет места сомнению, но есть «правда» и «ложь», «хорошее» и «плохое», «свои» и «чужие» – только идеальные противоположности, выраженные

в своем максимуме. Это настроение было противоположно бионовскому «не-знанию», которое так необходимо для восприятия информации на эту тему.

Красной нитью через весь доклад проходила история взаимоотношений пациентки Эдриана Роудза Эмили и ее возлюбленного Оскара, трагически завершившаяся накануне самого душевного праздника – Рождества. Вопреки праздничному духу, который обычно витает в эти дни среди людей, девушка была подавлена и одинока.

Структура доклада содержала четыре параллели, которые были похожи на музыкальные вариации на одну тему. Содержанием стали отношения в парах Эмили – Оскар, Эхо – Нарцисс, Мать – Младенец, Психоаналитик – Пациент. Как в сонате, мы видим тесную взаимосвязь партий дуэтов, которые построены по принципу контраста – здесь великолепный, всеми обожаемый блистательный Нарцисс, говорящий в полный голос и угасающая, никчемная и не имеющая собственного голоса Эхо. Одна партия в сонате является главной, а вторая – побочной, и эти два образа по ходу развития темы обязательно дополняют друг друга и вступают в драматические взаимоотношения. Само построение доклада очень похоже на структуру классической симфонии, так как в начале в форме Allegro мы слышим противопоставление главной и второстепенной партий во всех параллелях, во второй части темп изложения замедляется, и докладчик пристально всматривается во внутренний мир каждого персонажа (Оскара, Эмили, Нарцисса, Эхо...). Третья менуэтная часть разворачивает бытовые подробности жизни главных героев, а в финале спикер виртуозно показывает общность всех четырех параллелей, где перекликаются эпизоды каждой из первых трех частей и все партии с многократным повторением главной мысли, что создает ощущение законченности, целостности. Но об этом теперь более подробно.

Как в сонате, мы видим тесную взаимосвязь партий дуэтов, которые построены по принципу контраста – здесь великолепный, всеми обожаемый блистательный Нарцисс, говорящий в полный голос и угасающая, никчемная и не имеющая собственного голоса Эхо.

Четырьмя звучащими параллелями в докладе были развернуты диады: Нарцисс – Эхо, Оскар – Эмили, Младенец – Мать и Пациент – Аналитик. Во всех этих вариациях было много общего: один считает, что является центром и причиной всего, другой вторит ему и отражает (отзеркаливает); в этих отношениях есть только идеальный объект, в них нет места амбивалентному объекту; Другого отвергают, но он продолжает принимать (любить).

Во всех вариациях диад как доминанты звучали идеи М. Малера, М. Балинта, Х. Кохута, М. Кляйн, Д. Винникотта и, конечно же, З. Фрейда. Эти идеи помогли нам лучше понять, что происходило в отношениях главных героев доклада Оскара и Эмили; то, как пациентка Эмили вновь исполнила мелодию своего детства в новой вариации в отношениях со своим возлюбленным Оскаром.

Эдриан Роудз сравнивает аналитика, работающего с нарциссическим пациентом, с Эхо. Также, как Эхо, психотерапевту необходимо словами отражать то, что говорит

пациент. Однако аналитик в этом отражении не должен соглашаться с грандиозностью нарцисса, но и не должен отражать его ничтожность, выдерживая пустоту и отвержение – заключает докладчик. Аналитику нужно ждать, когда (и если) пациент сможет сам увидеть пустоту и тщетность своей иллюзии, после чего может последовать грустный возглас: «Увы! Это невозможно!». И тогда появится возможность сопроводить его через проживание утраты, тогда истинное Я пациента сможет развиваться и расцвести прекрасным цветком. Поэтому каждому Нарциссу нужна Эхо, чтобы получить возможность «увидеть и услышать» себя, а любой Эхо нужен Нарцисс, чтобы хоть как-то звучать, пусть даже через отражение Другого. На самом деле каждый человек нуждается в Эхо, в отзеркаливании, так как без него мы не узнаем, кто мы есть – заключает Эдриан Роудз.

Любопытно, что Эхо, повторяя только последние слова реплик, «отбрасывает» отрицание и отвержение, возвращая обратно автору слов иную, порой противоположную версию. Так «не-любовь» превращается в «любовь».

Аналитику нужно ждать, когда (и если) пациент сможет сам увидеть пустоту и тщетность своей иллюзии, после чего может последовать грустный возглас: «Увы! Это невозможно!». И тогда появится возможность сопроводить его через проживание утраты, тогда истинное Я пациента сможет развиваться и расцвести прекрасным цветком.

Нарцисс в ответ на распростертые объятия Эхо заявляет: «Лучше на месте умру, чем тебе на утеху достанусь». Эхо повторяет за ним: «Тебе на утеху достанусь». Нарцисс говорит Эхо: «Я тебя не люблю». И вновь Эхо вторит его словам: «Люблю...». Она повторяет последние слова, и одновременно меняет смысл на совершенно иной.

Также у Эхо нет собственного голоса, следовательно, она как бы лишена способности символизации (ментализации) происходящего, таким образом, она не может связывать репрезентации, у нее отсутствует α -функция. Это те инструменты, которые использует аналитик в работе с пациентами, функционирующими на психотическом и пограничном уровнях. Таким образом, здесь есть противоречия в роли Эхо и Аналитика для Нарцисса.

Мы увидели, насколько судьба Эмили, которая обратилась за помощью к психоаналитику, похожа на судьбу Эхо. Как и Эхо, она долго вторила своему Нарциссу, принимая от него агрессию, но возвращая поддержку и любовь, как и Эхо она была отвергнута своим партнером и страдала. Вслед за докладчиком мы переживали вместе с Эмили надежду и разочарование, любовь и обиду. История ее сложного детства была наполнена отвержением, насилием и поисками хотя бы крошечных знаков любви. Надежда найти любовь помогала Эмили выживать, и именно эта надежда привела ее в отношения с Оскаром – прекрасным, великолепным и надменным. Эмили вновь попадает в отношения, подобные тем, которые были у нее с ее отвергающей матерью. Надежда обрести любовь снова и снова была обречена на катастрофическое разочарование, однако возрождалась снова и снова вопреки всему. У Эмили, как и у Эхо, не было собственного

голоса. Она жила лишь как отражение великолепной жизни Нарцисса-Оскара. И когда Эмили начала психоаналитическую терапию с Эдрианом Роудзом, то впервые возникла иная надежда – что у Эмили-Эхо появится свой собственный голос. Голос, которым можно говорить о себе самой.

Параллели Мать – Младенец и Аналитик – Пациент похожи в том отношении, что Аналитик, как и Мать, отражает, а также «дает в аренду» свое Эго для того, чтобы внутренний хаос Пациента начал структурироваться. Материнское Эго реализует младенческое Эго, что определяется в акте материнской заботы, где она понимает (через со-настройку), о чем плачет ее дитя, и делает эти страдания выносимыми, обозначая словами, что происходит с младенцем. Мать контейнирует невыносимые переживания младенца, и своими заботливыми действиями устраняет или минимизирует его неудовольствие, что позволяет Эго ребенка развиваться и окрепнуть. Мать отражает Младенцу то, кем он является. Не правда ли, эта тактика похожа на работу с пациентами пограничного и психотического спектра?

Вопросы слушателей касались идентичности героев доклада, что развернуло внимание аудитории к еще одной проблеме всех Нарциссов и всех Эхо – отсутствию понимания кем они являются вне отношений и кем они являются внутри отношений.

Нарциссу невыносимо быть вне отношений, поскольку ему придется соприкоснуться со своей пустотой, которая фактически является мёртвостью, ему также невозможно быть и в отношениях, так как придется отказаться от инвестиций своего Я, что для нарцисса также фактически является смертью, поскольку его дезинvestированное Эго будет под угрозой распада. Ему, Нарциссу, хочется быть со всеми, но это невозможно. В этом парадоксе отношений с самим собой и другими Нарцисс фактически выживает, будучи мертвым. Признав эту невыносимость, соприкоснувшись с ней, позволив себе пройти весь путь горевания по несчастлившимся отношениям с достаточно хорошей матерью, можно воспользоваться возможностью быть, в которой будет больше жизни, чем смерти.

